

УДК 330.8; DOI 10.26794/2226-7867-2018-7-1-73-80
JEL B.30

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ О ХОЗЯЙСТВЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шапкин Игорь Николаевич,

д-р экон. наук, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет,
Москва, Россия
ishapkin@fa.ru

Аннотация. В условиях динамичных экономических изменений необходимо учитывать разнообразные факторы, которые способствуют активизации хозяйственного развития страны, в том числе культурологического и национального характера. Сформулированные русской религиозной философией в XIX – начале XX в. представления о сути, формах и методах хозяйства во многом соответствовали сложившейся социальной структуре, духовной культуре, отражали взаимосвязь принципов производительной организации труда с традиционным стилем экономической жизни. Эти воззрения представляют для сегодняшнего дня, несомненно, научный и практический интерес.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность; нравственный труд; «экономический материализм»; нравственное государство; рациональный расчет; благо; собственность; труд; культура; религиозная политическая экономия.

RUSSIAN RELIGIOUS THOUGHT ABOUT THE ECONOMY AND ECONOMIC ACTIVITY

Shapkin I.N.,

Doctor of Economics, professor, The Department of economic theory Financial University
ishapkin@fa.ru

Abstract. In conditions of dynamic economic changes, it is necessary to consider a variety of factors which contribute to the enhancement of economic development of the country, including cultural and national character. Formulated in the Russian religious philosophy in the nineteenth – early twentieth century ideas about the essence, forms and methods of agriculture are largely consistent with prevailing social structure and spiritual culture, reflect the relationship of the principles of productive labour with the traditional style of economic life. These views pose to the present day, doubtless scientific and practical interest.

Keywords: economic activity and moral labor; “economic materialism”; a moral state; a rational calculation; benefit, property; labor; culture; religious; political economy.

Для современной России, как и сто лет назад, важными остаются проблемы поиска собственного пути развития с учетом национальных особенностей страны. Эти вопросы находились в центре внимания русской общественной мысли в конце XIX – начале XX в. Заметное место среди них занимали труды В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, т.е. представителей «религиозного направления» русской философской мысли. Подни-

маемые ими вопросы по-прежнему остаются актуальными.

Базовой основой в трудах русских религиозных философов являлось рассмотрение наделенного высокой духовностью индивида в качестве активной, свободно творящей силы. Эта личность способна объединить мир, спасти его от разрушения временем и человеческого эгоизма, от технократизации общественной жизни, падения нравов и других пороков индустриальной цивилизации,

разрушавшей традиционные общественные устои. Противостоять этим негативным процессам может лишь высокая духовность.

Впервые наиболее последовательно подобный подход был представлен В. С. Соловьевым. Для него целью хозяйственной деятельности являлось очеловечивание природы. «Цель труда по отношению к материальной природе, — писал он, — не есть пользование ей для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой — оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного» [1, с. 427].

В работе «Оправдание добра» Соловьев исследовал «экономический вопрос с нравственной точки зрения», доказывал ошибочность выделения экономических явлений «в совершенно самостоятельную сферу» без учета нравственных критериев [1, с. 167]. Он полагал, что человека нельзя рассматривать только с экономической точки зрения как производителя, собственника или потребителя материальных благ. Данные «функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства» [1, с. 407].

Нравственный труд представляет собой «взаимодействие людей в области материальной, которое в согласии с нравственными требованиями должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства для достойного существования и всестороннего совершенствования, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности, формальной и конечной» [1, с. 429]. Человек должен трудиться, принимая за основу «общепользительность» своего труда, а не корыстный или какой-либо иной интерес.

Соловьев показывает ограниченность экономической науки. Он не отвергает существование экономических законов, но не считает их абсолютными, поскольку они не отвечают принципу постоянства и могут быть нарушены как индивидом, так и государством. В условиях противостояния, когда экономическая закономерность вступает в борьбу с нравственным законом, нравственность должна победить. В современном обществе экономические бедствия связаны с тем, что «хозяйственные отношения не связаны должным образом с началом добра», поэтому выход в «решении всего хозяйственного вопроса лежит на путях нравственности». Кризисные явления в экономике Соловьев связывает с отсутствием добра и нравственности.

Экономические законы существуют как результат «снятия» психологических закономерностей

и обретают значение, когда экономические отношения рассматриваются в качестве относительно самостоятельной сферы общественной жизни. Признание влияния нравственности на хозяйственную деятельность не должно оборачиваться «нравственным детерминизмом».

В своем основании экономическое поведение индивида имеет материальный интерес. Являясь феноменом духовного порядка, он причудливым образом связан с другими интересами и ценностями. Формируется среда, вокруг которой выстраивается духовная жизнь субъекта хозяйственной деятельности. Поэтому точнее говорить не о нравственных, а о духовных основах экономических процессов.

В мотивационной системе ведущее значение принадлежит нравственным побуждениям, а не стремлению к благу. Корыстный расчет есть не что иное, как проявление моральной несостоятельности [1, с. 411].

Соловьев выделил принципы хозяйства, исходя из того, что «человек не есть, прежде всего, производитель материальных полезностей или рыночных ценностей, а нечто гораздо большее», что он обязан быть «хозяйственным деятелем» относительно природы [2, с. 416].

Разрабатывая первый принцип, он обращал внимание на ошибочность обособления экономической области отношений «как независимой, будто, от нравственных условий человеческой деятельности вообще» [2, с. 416]. Только в распадающемся обществе возможна свободная игра экономических факторов и законов. В будущем обществе хозяйственные элементы связаны и определены нравственными целями, которые способны объединять общество и определять перспективу его развития.

По мнению Соловьева, особенностью хозяйства является то, что оно предоставляет условия для применения единого нравственного закона, поскольку в своей хозяйственной жизни «общество должно быть организованным осуществлением добра» [1, с. 70]. Действительное решение экономического вопроса он усматривал в нравственном отношении человека к материальной природе, которую он связывал с землей и которая, в свою очередь, обусловлена нравственным отношением к людям и Богу.

Понимая, что большая часть вопросов в экономике связана с собственностью, Соловьев считал, что эта проблема тяготеет более к области права, нравственности и психологии, чем к сфере хозяйственных отношений. Он подчеркивал, мы отличаем себя от своих мыслей, чувств, настроений, сознавая

при этом, что для полноты бытия недостаточно «себя», а необходимо иметь «свое». В связи с этим неотъемлемое основание собственности заключается в самом существе человеческой личности [1, с. 432].

Соловьев не разделяет марксистского мнения, что основанием появления и развития собственности является труд. Если собственностью могут быть только вещи, то труд создает только полезности в них, а не сами вещи. Полезности же — это только отношения, а не реальности, поэтому они не могут быть предметом собственности [1, с. 433]. Поэтому Соловьев обращается к идеальным основаниям собственности, считая, что в понятии собственности заключается понятие свободного распоряжения предметом собственности. В связи с этим он развивает в своих работах критику «плутократии» и безусловного права собственности в случае, если оно приводит к нарушению общего блага, защищает наследственную собственность при условии ее нравственного характера [1, с. 437].

Второй принцип философии хозяйства Соловьев связывает с обеспечением достойного человеческого существования, условием которого является производство. Оно обеспечит право каждого индивида на достаточный заработок и сбережения, право владения капиталом [1, с. 171].

Человек имеет неотъемлемое право собственности на то, что им заработано, — только в этом смысле, по мысли Соловьева, труд есть источник собственности. От осуществления этого права зависит будущее общества.

С точки зрения нравственной философии основополагающим принципом и целью общества должно быть «воздержание от дурной плотской чрезмерности», от бесконечного размножения потребностей, от «размножения» вещей, удовлетворяющих эти потребности. Но «экономизм и аскетизм», о которых говорит Соловьев, вовсе не означают отречение человека от внешнего воздействия на природу и от культуры труда. Они означают переориентацию жизненных целей и волевого центра: внешние предметы производства должны быть только средствами и орудиями, а внутренние силы, собранные и сосредоточенные в себе, должны стать рычагом, с помощью которого можно поднять тяжесть вещественного бытия, которое подавляет душу человека.

Таким образом, принцип экономической деятельности есть экономия, сбережение, концентрация психических сил через превращение одного вида душевной энергии (внешней или экстенсив-

ной) в другой вид энергии (внутренней или интенсивной) [1, с. 181].

Суть третьего принципа состоит в том, что человек обязан быть «хозяйственным деятелем» относительно природы. Соловьев писал, что «должны быть признаны обязанности человека к земле (материальной природе вообще)» [1, с. 71]. Он оценивает тройное отношение человека к природе. Человек подчиняет природу, борется с ней и эксплуатирует ее, ухаживает за ней для себя и для нее. Без любви к природе для нее самой невозможно осуществление нравственной организации материальной жизни.

В связи с этим Соловьев снова обращается к трактовке труда, но рассматривает его как взаимодействие людей в области вещественной. Это взаимодействие в согласии с нравственными нормами «должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу» [1, с. 71].

Своеобразным хранителем идеалов, по мнению Соловьева, должно стать государство, которое обязано препятствовать проявлению «своекорыстия», способствовать осуществлению синтеза экономики и нравственности. В этом контексте экономическое начало обусловлено нравственным и государственным началами.

На особую роль государства в хозяйственной деятельности указывал П.А. Флоренский. Он считал, что государство должно представлять собой единство централизованного управления с самостоятельностью местных органов управления, знающих специфику, богатства и возможности своего региона. Такое государство будет являть собой единое целое, а не механически собранные единицы, «случайно находящиеся за одной оградой» [2, с. 672].

Флоренский последовательно развивает идею о направляющей роли государства в экономике, разрабатывает идею централизованной экономики. Вместе с тем в процессе экономической деятельности должны быть созданы возможности для проявления самостоятельности, инициативы, творчества; должна поощряться индивидуализация. Мудрость государства, по его мнению, заключается в умелом регулировании, в том, чтобы «поставить каждого гражданина в подходящие условия, при которых он сумеет показать, на что способен» [2, с. 648].

В хозяйственной деятельности человек может реализовать свои способности, получить удовлетворение от жизни. С этой целью желательно на местах

поддерживать различные виды и формы хозяйственной практики: государственные, коллективные, артельные, личные и др. Люди, удовлетворенные своим трудом, принесут гораздо больше пользы государству, чем люди, работающие по принуждению и необходимости.

Весьма актуальной остается его идея о развитии промышленности, ориентированной на самостоятельный, индивидуальный путь, который связан с национально-культурными и историческими особенностями страны. «Естественные условия нашей страны иные, и попытка догнать заграничную промышленность приводит нас в невыгодные условия, насколько многое из того, что за границей было естественно, у нас будет искусственно» [2, с. 661].

Решая проблему путей развития отечественного хозяйства, Флоренский предлагает учитывать достижения заграничного опыта, но ориентироваться на решение задач своими средствами, для чего необходимо знать собственные материальные ресурсы и возможности. При этом в оценке естественных богатств необходимо руководствоваться не голосом мирового рынка, а сущностью, предназначением данных объектов.

Именно государство, по мысли Флоренского, является той силой, которая ответственна за достойную жизнь работников и социально незащищенных слоев. Оно должно заниматься социальным обеспечением и согласием в обществе. На государственном уровне необходимо сформировать понимание, что хозяйствование представляет собой социально ответственный вид деятельности, первостепенной задачей которой является обеспечение благополучия общества.

В основе экономики будущего должен лежать принцип рачительного и бережного отношения к богатствам страны, полезным ископаемым, человеческому капиталу и управленческим кадрам. Забота о людях, сохранение и развитие творческих личностей должны стать важнейшей государственной задачей. Государство будущего должно гордиться не золотым запасом, а подготовленными кадрами и выращенными профессионалами.

Собственную концепцию хозяйства сформировал С.Н. Булгаков. Проблему хозяйства он осмысливал с двух сторон.

Во-первых, хозяйство и хозяйственная деятельность анализируются им с точки зрения критического отношения к господствующим в науке концепциям. Политическая экономия критикуется им за выражение исторического духа эпохи — эгоизма и приверженность к излишнему прагма-

тизму. Она обслуживает и оправдывает капиталистический строй.

Во-вторых, хозяйство рассматривается им с религиозно-философской точки зрения. Булгаков предпринял попытку преодолеть непродуктивный отход политической экономии от философии, соединив в философии хозяйства философию и теорию экономики. В «Философии хозяйства» им не рассматриваются конкретные понятия экономической теории, такие как капитал, деньги, цена, товарообмен и т.д. Основными вопросами становятся «смысл хозяйства», «Бог и хозяйство», «субъект хозяйства», «как возможен труд», «мир как хозяйство», «свобода и хозяйство». Проблемы хозяйства и хозяйствования поднимаются им до уровня философии — целостной философии хозяйства.

По мысли Булгакова, в центре философии хозяйства должно находиться учение о человеке. Это положение отличалось от марксистского подхода (который принципиально «чужд философской антропологии»), где индивиды как «заводные куклы, дергающиеся за ниточку экономических интересов». За этой важнейшей методологической посылкой марксизма стоит игнорирование человека. Для марксизма свойственно «незаконное употребление понятий политической экономии в качестве исчерпывающих категорий философии хозяйства» [3, с. 293].

Внутренним процессом в системе хозяйственной деятельности является взаимодействие производственной деятельности и мира духа, мира культуры. Понимая культуру как хозяйственный феномен, обусловленный развитием экономики, Булгаков отмечает, что, возникнув в контексте жизненной необходимости, культура обретает самостоятельную логику развития. Он иронизирует над «благотупостями» представителей экономического материализма, когда предпринимается «материалистическое истолкование чуть ли не конкретного исторического явления — не только христианской религии или средневекового рыцарства, но и поэзии Шекспира или Пушкина» [3, с. 291]. Возникнув на основе хозяйственной деятельности, культура оказывает на нее влияние не в грубо детерминистическом смысле, а через создание духовной атмосферы, в которой осуществляется экономическая деятельность хозяйствующего субъекта определенной эпохи.

В работе «Философия хозяйства» Булгаков разработал принципы нравственной, религиозной политэкономии, основанной на тесной связи труда с природными процессами, зависимости хо-

зяйства от софийности Космоса и божественных сил. Рассматривая мир как хозяйство, Булгаков определял хозяйство как выражение борьбы двух метафизических начал — жизни и смерти [3, с. 261]. Если хозяйство, писал он, есть «орудие самоутверждающейся жизни, то с таким же основанием можно сказать, что хозяйство есть функция смерти, вызвано необходимостью самозащиты жизни. Оно в самом основном своем мотиве есть несвободная деятельность, этот мотив — страх смерти, свойственный всему живому» [3, с. 41].

Хозяйство является борьбой, которую ведет человечество со стихийными силами природы для защиты и расширения жизни. В содержании хозяйственного процесса выражено стремление превратить мертвую материю в живое тело, стремление к очеловечиванию природы.

Очеловечивание природы означает, во-первых, то, что она способна «стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию, и в нем сознавая себя», а во-вторых, что она вступает в новую стадию своего существования [3, с. 88–89]. Она определяется тем, что хозяйственный труд становится новой силой природы, космогоническим фактором, который принципиально отличен от всех остальных сил природы. Эпоха хозяйства оказывается определенной стадией в истории земли и истории Космоса, которую можно поделить на два периода: дохозяйственный — до появления человека, и сознательный, хозяйственный — после его появления. В человеке, таким образом, природа производящая (*natura naturans*), лежащая в основе природы произведенной (*natura naturata*), как бы осознает себя. «Космизм» хозяйства Булгаков связывает с понятием вселенной как единой системы [3, с. 64–65].

Включение хозяйства в жизнь вселенной, рассмотрение его как момента роста вселенной определяет и понимание субъекта хозяйства. Хозяйство, по мысли Булгакова, «есть постоянное воздействие хозяина, субъекта хозяйства (пока здесь безразлично, единоличного или коллективного) на вещи (природу или материю, как бы она далее философски не конструировалась), т.е. на объект хозяйства» [3, с. 45]. В этом смысле хозяйство есть субъективно-объективная деятельность, единство субъекта и объекта. Оно является реальным мостом из я в не — я, из субъекта в объект, которые находятся в постоянном взаимодействии.

В своем произведении Булгаков говорит о субъекте хозяйства, понимаемом как родовой и исторический процесс, синтезирующий в себе отдельные хозяйственные акты. Хозяйство имеет своим

трансцендентальным субъектом совокупное человечество, Мировую Душу. «Истинным и притом единственным трансцендентальным субъектом хозяйства, олицетворением чистого хозяйства, или самой функции хозяйствования, является не человек, но человечество» [3, с. 94].

Философ приходит к выводу о том, что субъект знания, хозяйства и истории есть тот же самый субъект, который обосновывает эти процессы и их объективирует, превращая субъективное в транс-субъективное, синтезируя раздробленное хозяйство, знания, историю в некоторое живое единство.

Логика «хозяйственной концепции культуры» приводит Булгакова к заключению, в соответствии с которым каждая эпоха имеет свой особый тип «экономического человека», который порождается всем духом хозяйства, т.е. по сути культуры [3, с. 233].

Характерно, что подобная логика размышлений встречается и у Соловьева, утверждавшего, что нельзя человека рассматривать только лишь как «экономического деятеля» в отрыве от других сторон его существа, потому что он как субъект хозяйства порождается целостностью культуры. Для полноты понимания «экономического человека» недостаточно знать только то, что происходит в экономической сфере. Деятельность человека в этой сфере становится откликом на импульсы, идущие из различных сфер общественной жизни, в которые он так или иначе погружен. «Экономический человек» становится многоплановым субъектом культуры, во внутреннем мире которого интегрированы экономические интересы, ценность социальных отношений, политические предпочтения, ориентации на личностную самореализацию и др.

В философии хозяйства Булгаков выделяет три взаимосвязанные проблемы. Он рассматривает труд как основу хозяйства, хозяйство как творческую деятельность субъекта, исследует личность в хозяйстве.

Признаком хозяйственной деятельности является труд, направленный на достижение определенной цели. Булгаков подчеркивает, что хозяйство — это трудовая деятельность. Именно трудовое воспроизведение или завоевание жизненных материальных или духовных благ являются признаком хозяйства в противоположность их даровому получению.

Труд преобразует не только окружающий мир, но самого человека. Об этой стороне труда, как отмечает Булгаков, философия до сих пор ничего не сказала, а политическая экономия этой стороны труда вообще не замечает. Труд имеет «незаменимое значение для человека, как средство вос-

питания воли, борьбы с дурными наклонностями, наконец, как возможность служения ближним» [3, с. 136]. Трудно переоценить в связи с этим роль христианства в общественном и экономическом прогрессе. Христианство изменило отношение человека к труду, сделало его признаком доблести и достоинства, преодолело царившее в древнем мире высокомерное и презрительное отношение к труду, преобразило хозяйственную жизнь Европы.

Булгаков призывает христиан выбрать «царский путь» в своей жизни, имея в виду, что как уклонение от труда, так и чрезмерное (добровольное) обременение трудом в равной степени опасны для человека [3, с. 212].

Результатом хозяйственной деятельности является культура в самом широком смысле слова. Хозяйственное происхождение имеет не только материальная культура, но также культура духовная. «Отпечатки» хозяйственной деятельности несет не только материальный мир, непосредственно окружающий человека и человечество, но также космос, который «оживотворяется», «согревается» жизнью и трудом человечества. Булгаков подчеркивал, что какой бы «утонченной» и «духовной» ни была человеческая культура, в своей основе она всегда имеет материально-природное начало. «Культура, то есть труд или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу, — отмечает Булгаков. — Природа есть поэтому естественная основа культуры, материал для хозяйственного воздействия, вне ее немислимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» [4, с. 84–85].

Булгаков критикует понимание труда как затрату нервно-мышечной энергии, считая его узким [5, с. 52–53]. Указывая, что с самого своего возникновения политическая экономия не расставалась с принципом труда, но отвела ему место, совершенно не соответствующее его философскому значению. В лице представителей классической политэкономии она сузила понятие труда до «производительного» труда, выражающегося исключительно в материальных благах. Булгаков считает эту сторону труда «периферийной», подчеркивая в качестве главных моментов такие его стороны, как «актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя» [5, с. 43]. Важнейшей ценностью труда является возможность получения блага, поддерживающего жизнь индивида.

Первостепенное значение Булгаков придает тому, что труд выступает своеобразным мостом

между субъектом и объектом. Он рассматривает производство как «систему объективных действий, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект» [5, с. 76].

В рассуждениях Булгакова о труде является идея признания активности субъекта. Он считает, что в кантовском субъективном идеализме субъект пассивен, в нем отсутствует актуальность, самостоятельность; перед таким субъектом развертывается жизнь, но он является только зрителем, ни в чем не участвуя. Однако такой праздности, такой «даровщины» не существует нигде, в том числе и в познании, отмечает Булгаков.

В связи с этим он подчеркивает, что труд выступает основой знания. Процесс познания, так же как хозяйственный процесс, связан с напряжением сил и воли и, следовательно, своим основанием имеет труд. Познание как трудовая деятельность направлено на мир идей. Булгаков рассматривает в этом отношении хозяйство как знание в действии, а знание — как хозяйство в идее. На основании анализа теоретико-познавательных проблем он приходит к выводу, что труд снимает «проблему существования внешнего мира (а также и чужого я), как идеалистическое измышление, фантом отвлеченной мысли» [5, с. 86].

Значительное внимание Булгаков уделил вопросам, связанным с ролью и местом науки, научной деятельности в жизни человека. Он показал ограниченность науки как средства познания мира. Каждая наука находит свой объект исследования и далее начинает его внимательно изучать, используя наблюдение, эксперименты, расчеты, прибегая к осмыслению собранных фактов с помощью теорий и гипотез. Но у каждой науки есть свои ограничения. Во-первых, каждая из них пользуется набором аксиом, которые могут подвести ученого. Во-вторых, каждая наука с ее конкретным объектом исследования смотрит на мир не через широкое окно, а через крохотную «форточку». Исследователь может не видеть весь объект целиком, не видеть связи объекта с другими частями окружающего мира. Результаты наблюдения могут быть неполными и даже искаженными.

В эпоху Просвещения началось бурное развитие многочисленных наук, разные группы исследователей стали изучать окружающий мир, предварительно расчленив его на части (объекты исследования). Фактически объектом исследования стали куски целого. Соединить же их воедино ученые уже не могли. В итоге отсутствовал целостный взгляд на мир.

Булгаков считал, что «философия хозяйства» может стать основой для собирания расчлененного на куски мира для последующего его преобразования.

В философии хозяйства Булгакова важнейшее место отведено проблеме «творческой деятельности человека над природой». Владея многими силами природы, человек создает из них как бы свой новый мир — вторую природу. Человек творит культуру — мир новых ценностей, возрастающих от поколения к поколению.

Булгаков ставит вопрос о источнике человеческого творчества, о его «тайне». Он выделяет два условия творчества: свобода изволения, т.е. замысла, и свобода исполнения. Ведь для того, чтобы творить, необходимо и хотеть, и мочь; надо ставить себе выполнимую задачу, иначе творчество окажется невозможным или незавершенным. Объясняя природу хозяйственного творчества, Булгаков пишет, что человек не обладает всемогуществом, он не способен творить «из ничего», поэтому только в мире он может находить ответы на свои вопросы. Только из совокупности всего этого и образуется новый мир культуры, создаваемый в хозяйстве.

Таким образом, творчество — это синтез свободы и необходимости. Человек творит из уже данного ему мира, что объясняет ограничение свободы. Но, с точки зрения развитого учения о трансцендентальном субъекте хозяйства — Мировая Душа, София, делают человека и его творчество причастным им.

Развивая это положение, он подчеркивает софийность хозяйства, которая возможна благодаря причастности человека к обоим мирам — к Софии и эмпирии, поскольку человек, с одной стороны, есть «потенциальный центр антропокосмоса, хотя и не реализованного еще, но реализуемого, а с другой стороны, он есть продукт этого мира, этой эмпирии» [5, с. 115].

Философ обращает внимание на то, что хозяйство не является софийным в эмпирической оболочке с его ошибками, неудачами. Это объясняется тем, что «хозяйство ведется историческим человечеством в его эмпирической ограниченности, и поэтому далеко не все действия его отражают на себе свет софийности» [5, с. 115]. Например, научно-технический прогресс вполне отвечает этому положению.

Булгаков отмечает, что развитие хозяйства не становится «звериной борьбой за существование» благодаря тому, что ориентировано на покорение природы совокупным человечеством, а это происходит, в свою очередь, благодаря сверхличностной силе, обозначенной как софийность хозяйства.

Завершая размышления о творчестве, его природе, Булгаков говорит об окончательной цели хозяйства. Она находится за его пределами, а само хозяйство — «только путь мира к Софии осуществленной, переход от неистинного состояния мира к истинному, трудовое восстановление мира» [5, с. 115].

Тему Софии Булгаков продолжал обдумывать и в последующих своих работах, которые из философских произведений превращались в богословские. Это была довольно дерзкая попытка внести свой вклад в богословское учение православной церкви. Идея Софии впервые была озвучена Соловьевым. Но у него эта идея выглядела достаточно красиво и не воспринималась как ересь. Ведь Соловьев был не только философом, но и поэтом. Многие усматривали в его Софии поэтические рефлексии. Углублять и развивать идею Софии с философских и богословских позиций стал Флоренский, а продолжил эту линию Булгаков. Даже в пределах работы «Философия хозяйства» трудно найти однозначную трактовку понятия «София». Довольно часто автор называет Софию «Премудростью Божией» или просто «Премудростью».

Понимание хозяйства как деятельности, обусловленной творчеством личности, его свободой, привело Булгакова к постановке проблемы этики хозяйства. Он подчеркивал, что труд в большинстве случаев может рассматриваться как исполнение религиозных или нравственных обязанностей. Поэтому развитие производительных сил является и творчеством народа в хозяйственном отношении, до известной степени феноменом его духовной жизни. В связи с этим народное хозяйство требует духовного здоровья народа.

Булгаков выделяет два вида мотивов хозяйственной деятельности: своекорыстное и идеальное, включающее такие факторы, как общее мировоззрение и религия. Он видел в религии мощное средство воспитания личности и выработки чувства личной ответственности и долга.

Указывая на необходимость изучения духовных факторов экономического развития, Булгаков писал, что «нужно понять, что и хозяйственная деятельность может быть общественным деянием и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального» [3, с. 366].

В работах мыслителя эти идеи связаны с решением задач развития России. Для поступательного движения необходимо национальное самовоспитание, включающее в себя и более здоровое, трезвое, более честное отношение к развитию общественного потенциала. «Преследуя цель экономического оздоровления и обновления России, — писал Булгаков, — не следует забывать и о духовных его предпосылках, именно о выработке и соответствующей хозяйственной психологии, которая может явиться лишь делом общественного самовоспитания» [3, с. 367].

Психологический подход Булгакова к хозяйству выражен в положении, что хозяйство есть явление духовной жизни. Дух хозяйства — это историческая реальность. Он подчеркивает, что каждая экономическая эпоха имеет свой дух, свой особый тип «экономического человека». Понимание хозяйства как явления духовной жизни помогает понять психологию хозяйственных эпох, значение смены хозяйственных мировоззрений, в том числе и представлений о роли личности.

Однако хозяйство не только духовно, оно в то же время материально. Хозяйство есть результат развития мира. Догматическим обоснованием «софиологии хозяйства» выступает концепция благодати как вознаграждения за земные дела. Хозяйство не даруется, хозяйство зарабатывается.

Труд лежит в основе «софиологических» или «софианских моделей хозяйства» — моделей индустриального (капиталистического) типа, теоретическим выражением которых и стала трудовая теория стоимости классической буржуазной политической экономии или теория предельной

полезности современного экономикса, а политическим — западноевропейский либерализм. Тогда как метафизика земли лежит в основе «софийных моделей хозяйства» — моделей сельскохозяйственного развития, теоретическим выражением которых является теория аграрного развития мира, а политическим — неоконсерватизм.

Русской философией была выработана мировоззренческая парадигма, во многом соответствующая отечественной культурной традиции. Ее ядром было понимание общества как иерархически организованной целостности, имеющей в своей основе духовное начало.

Стремление религиозных философов найти для экономической деятельности основания, лежащие за пределами материальной сферы, является весьма знаменательным, поскольку открывает возможности для рассмотрения хозяйства как формы существования культуры, развивающейся в рамках целостного культурного процесса.

Анализ их философско-хозяйственных воззрений является актуальным, поскольку они ставили и решали вопросы активизации экономического развития страны на основе системы национальных ценностей, ментальности и быта.

Категории религиозной философии хозяйства во многом соответствовали сложившейся социальной структуре, духовной культуре, отражали взаимосвязь принципов производительной организации труда с традиционным стилем экономической жизни. Все это делает русскую философию хозяйства, разработанную религиозными мыслителями, актуальной и востребованной в условиях кризиса современной западной экономической теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1907.
2. Флоренский П. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996.
3. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
4. Булгаков С.Н. Избранные статьи. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1990.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990.

REFERENCES

1. Solov'ev V.S. Justification of the good [Opravdanie dobra]. Moscow, 1907.
2. Florenskij P. The supposed state structure in the future // Compositions: in 4 volumes [Predpolagaemoe gosudarstvennoe ustrojstvo v budushhem // Sochinenija: v 4 t. T. 2]. Moscow, Mysl', 1996.
3. Bulgakov S.N. Christian socialism [Hristianskij socialism]. Novosibirsk, 1991.
4. Bulgakov S.N. Selected articles [Izbrannye stat'i]. Soch. v 2-h t. T. 2. Moscow, 1990.
5. Bulgakov S.N. Philosophy of economy [Filosofija hozjajstva]. Soch. v 2-h t. T. 1. Moscow, 1990.